

УДК 330.83

Н. Шапиро, д-р экон. наук, проф.

(С.-Петербург. гос. ун-т низкотемператур. и пищевых технологий, Российская Федерация)

С. БУЛГАКОВ О ЗАДАЧАХ ПОЛИТЭКОНОМИИ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В статті розглядаються питання історичного значення критики політичної економії та її завдання, які були сформульовані С.М. Булгаковим у працях "Від марксизму до ідеалізму" та "Філософія господарства". Виявивши основні тези критики та завдань, показується, як виглядає сучасна економічна теорія в контексті тих проблем, які Булгаков вважав необхідним розв'язати для подальшого розвитку економічної науки.

Ключові слова: політична економія, неокласична теорія, світогляд, філософія господарства.

В статье рассматриваются вопросы исторического значения критики политической экономии и ее задачи, которые были сформулированы С.Н. Булгаковым в работах "От марксизма к идеализму" и "Философия хозяйства". Выявив основные тезисы критики и задач, показывается, как выглядит современная экономическая теория в контексте тех проблем, которые Булгаков считал необходимыми разрешить для дальнейшего развития экономической науки.

Ключевые слова: политическая экономия, неоклассическая теория, мировоззрение, философия хозяйства.

*The paper assesses historic significance of S.N. Bulgakov's criticism he leveled at political economy and its objectives in his books *From Marxism to Idealism and Philosophy of Economy*. The crucial points of criticism and challenges are elucidated and then the modern economic theory is exhibited in the context of those problems, which Bulgakov believed must be solved to permit further development of economic science.*

Keywords: political economy, neoclassical theory, world outlook, philosophy of economy.

Экономические идеи С.Н. Булгакова становятся все более востребованными в среде современных отечественных исследователей. Во-первых, на рубеже XX–XXI вв. возродился интерес к философскому постижению мира как хозяйства (школа философии хозяйства МГУ им. М.В. Ломоносова) [10]. Как писал С.Н. Булгаков: "...Для меня ясно, что наряду с данной [булгаковской – Н.Ш.] философией хозяйства может быть построена совершенно иная" [4, с. 327]. Можно уверенно констатировать обретение новой философией хозяйства институционального статуса, который выражается в восстановлении философии хозяйства как особой "знаниевой" формы, не тождественной в полном смысле ни теории, ни теологии. Это самостоятельное, открытое для разнообразного творчества, течение мысли, в определенной мере постнаучное (с преодолением позитивистской науки) и во многом метафизическое (с восприятием трансцендентного), но не как отрасль философии и не как раздел экономики [6].

Во-вторых, это интенция к реактуализации религиозного материализма Булгакова, для создания современной концепции *мировоззрения*, хотя содержание и проблематика в этом случае значительно шире, чем у экономической теории. Цель мировоззренческих поисков С.Н. Булгакова состояла в том, чтобы философски воспроизвести *ощущение* мира как хозяйства, и в этом ощущении показать реальность материи как выражение мистических и религиозных смыслов в противовес классической и марксистской политэкономии, в которых реальность, как он считал, понималась материалистически брутальной. С.Н. Булгаков же стремился к воплощению реализма в философии хозяйства как мистического, или же, по выражению Вл. Соловьева, *действенного идеализма* [2, с. 300; 3, с. 325–326].

И, в-третьих, в данном же случае. Рассмотрим не столько философию хозяйства по Булгакову, сколько его критику политической экономии и сопоставим ее теоретико-экономические аспекты с проблемами современной экономической теории. Речь пойдет, прежде всего, о критических положениях, которые были сформулированы им в "Задачах политической экономии" [2], а затем продолженных в "Философии хозяйства" [3]. Актуальность такого обращения определяется тем, что отсутствие решений проблем глобального рынка на основе современных теорий подталкивает часть отечественных экономистов к теориям, отвергнутым в недавнем прошлом. Речь идет о политической экономии. В апреле нынешнего года состоялась учредительная

конференция Международной политико-экономической Ассоциации стран СНГ, где ведущие политэкономы из разных стран были нацелены на выяснение научной продуктивности политической экономии в XXI веке.

Собрания подобного рода вызывают к жизни два вопроса. Первый, почему для объяснения современных проблем средствами политической экономии требуется конвенциональное решение научной общественности? Ведь если объяснения убедительны, то они скажут сами за себя. Второй вопрос: какую именно политическую экономию хотят реактуализировать наши современники – классическую, историческую или марксистскую (в последней можно выделить еще несколько подвидов, например, "легальный" марксизм, марксизм-ленинизм)?

Обращаясь к воззрениям С.Н. Булгакова, нам предоставляется возможность виртуально рассмотреть в чем-то аналогичную попытку адаптировать марксистскую политэкономии в качестве средства для решения задач своего времени. С.Н. Булгаков отмечал, что поставленная им самому себе задача состояла в "органическом синтезе философии Соловьева и принципов реальной политики", Прежде всего в этом контексте обратим внимание на критику. Для этого воспользуемся некой "формулой" современного постмодерниста С. Жижека, который, вслед за Ф. Адарно и Б. Короче, считает, что когда мы имеем дело с действительно великим философом, нас должно интересовать не то, что этот философ все еще может сказать нам, или что он значит для нас, "а вопрос о том, как выглядим *мы*, наша современная ситуация в его глазах, какой наша эпоха предстает в его мысли" [4, с. 8–9].

Забегая вперед, отметим, что наша эпоха, где наибольшее распространение получила теория неоклассического синтеза, предстанет в мыслях С.Н. Булгакова как вольно или невольно воплотившая и реализовавшая его пожелания, так и его опасения.

Так, в частности, современная экономическая теория не рассматривает проблемы социальных идеалов, позиционирует себя как социально-нейтральная и инструментальная наука, тогда как Булгаков считал: "Социальный идеал создает социальную науку, а не создается ею" [2, с. 279]. Теорией имеющей такой социальный идеал он считал политическую экономию исторической школы Германии.

В другой стороны, С.Н. Булгаков полагал, что "давно уже пора позабыть внутренне противоречивые квалификации: буржуазная и пролетарская наука, что значит ни более, ни менее, как тенденциозная (в ту или

другую сторону) или лживая наука" [2, с. 281]. Неоклассическая теория выведена за рамки институционально-классовой институционализации, однако данное обстоятельство является объектом критики не только современных политэкономов, но и современных неинституционалистов, поскольку такие абстрактные субъекты даже отдаленно не напоминают реальных людей.

С.Н. Булгаков негативно относился к "трудовой теории ценности" и, созданной Марксом на ее основе, теории прибавочной стоимости. Как считал Булгаков, что ей совершенно напрасно был придан этический характер, выразившийся как "сплошной обвинительный акт против капиталистического производства" [2, с. 291]. В неоклассическом синтезе этот этический акцент преодолен. Она оперирует условиями предельной выручки, предельными затратами и ценами для нахождения объемов, обеспечивающих максимальную прибыль, но не степень эксплуатации.

То, к чему Булгаков относился крайне негативно – к применению математики, которая, по его мнению, "приведет к абсурду теоретической экономики и ее задач, ибо превращает ее в невинные математические упражнения, игру философски недисциплинированного ума" [2, с. 298], стало в XX веке тем, за что присуждают Нобелевские премии. В идеале по Булгакову, политэкономия – это строго эмпирическая наука, для этого марксистская политэкономия должна "сделать шаг в сторону Исторической школы" [2, с. 299].

В настоящее время предельно абстрактный характер экономической теории преодолевается новой институциональной теорией, которая идет не по пути отказа от неоклассики, а дополняет ее, подобно тому, на что в свое время был нацелен Ф. Лист, пытаясь преодолеть космополитизм классической школы.

Интеллектуальные "разочарования" С.Н. Булгакова политэкономией, выраженные им в "Философии хозяйства" [4], которую можно считать завершающей в русле его экономических воззрений, состояли в следующем:

➤ экономическая наука (духовный экономизм) строит большинство своих определений через понятие "хозяйство", тогда как само понятие "хозяйство" не подвергается философскому анализу и критической обработке; определение же неизвестного неизвестным является непродуктивным шагом в научном смысле. Если "экономическое" определяется через "хозяйство", а "хозяйству" не дано научного определения, то, следовательно, научного определения нет и у "экономического", и всего того, что от него производно;

➤ понимание "экономического" берется на уровне непосредственного опыта, как нечто и сугубо материалистическое и используется в качестве основы научно-философского догмата, утверждающего примат хозяйства в историческом бытии и сознании. ("Будто экономизм есть вместе с тем непременно *eo ipso* материализм.... Это есть не только произвольное, но и совершенно неверное допущение" [3, с. 320].) Такое допущение делает экономический материализм воинствующим, т.е. прагматическим, порождает философию действия и отвергает важность всех других сфер жизни человека.

С.Н. Булгаков стремится не только преодолеть отмеченные логические просчеты, а "положительно превзойти" воинствующий экономизм – экономический материализм, который не позволяет себя отбросить, но повелевает преодолеть.

Прежде всего, он полагает, что понятие "хозяйство" должно отражать взаимосвязь человека и природы. Ведь в этой взаимосвязи человек побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой победой и все больше чувствует себя невольником хозяйства,

С.Н. Булгаков назвал это "экономическим гамлетизмом" [3, с. 316].

Основной вопрос, для него, на который должно искать ответ: является ли хозяйство функцией человека или же человек есть функция хозяйства?

Он пытается дать объяснение тому факту, почему ответ на поставленный вопрос до сих пор отсутствует. Это происходит из-за недоверия и отчужденности между философией и наукой, особенно экономической, но, как он считает, что идейному застою в этой области приходит конец.

"В той всеобщей научной, философской и религиозной тревоге, которая все сильнее охватывает современное человечество, ломаются старые перегородки, прежде герметически разгораживающие разные области мысли, и изменяются границы их территорий. В этой смене отношений и границ, совершающейся в наши дни, находит свое оправдание и отстаивает права на "академическое" существование и настоящая работа ["Философия хозяйства" – *Н.Ш.*], которая относится по своему плану одновременно и к чистой философии, и к семейству социально-экономических наук" [4, с. 320].

Преодоление недоверия и отчужденности между философией и наукой он видит в идеи о человеке как трансцендентальном субъекте хозяйства, однако допускает, что вариантом этого решения может быть много. Все зависит от некоей внутренней интуиции философа, создающего философскую систему, "особым образом окачествованного мироощущения". "... Я наперед должен признать, что и системы философии хозяйства могут правомерно различествовать, если различаются исходные их аксиомы. Здесь заложена возможность неистребимых, по крайней мере средствами теории, разногласий, единство мыслей достигается только жизненным единением" [3, с.327].

Ответ же С.Н. Булгакова на вопрос: является ли хозяйство функцией человека или же человек есть функция хозяйства – состоял в следующем. Хозяйство следует рассматривать как деятельность всеобщего (трансцендентального) субъекта или человечества, а не "не коллектива или собираемого целого". В центре философии хозяйства стоит антропология – учение о Человеке в природе [3, с.323]. Хозяйство, по Булгакову, освобождение Человека от оков природы. Оно нацелено на достижение утерянного в результате грехопадения единения с Богом. Поэтому, хозяйство – это не только материализм, но и трансцендентальность, метафизика, и, наконец, софийность [3, с. 122-167], а объяснение освобождение Человека от оков природы – философия хозяйства.

Теперь о том, "какой наша эпоха предстает в его мысли".

Решением проблемы взаимодействия человека и природы занимается специальная наука "экология", выделившаяся из экономической науки, что свидетельствует о практической и научно-теоретической важности осмысления проблемы взаимодействия человека и природы. Выделившаяся в самостоятельную сферу науки – экология, имеет разные решения поставленной проблемы, включая алармистские концепции, но наиболее оптимистической является разработка идеи коэволюции человека и природы.

Логические "разочарования" Булгакова по поводу определений "экономики" и "хозяйства" продолжают сохраняться в современном экономическом дискурсе. Ни то, ни другое понятие не имеет однозначных и общепринятых, строгих определений, употребление их часто синонимично. Понятие "хозяйство" предельно ясное на бытовом уровне, так и не поддавалось опре-

делению в теоретико-методологическом смысле. В начале 80-х гг. XX века Н.А. Цаголов, который в свое время и в своем поколении был одним из наиболее известных и влиятельных экономистов – теоретиков и методологов, ни раз подчеркивал [8, с. 11; 9, с. 137], что понятие "хозяйство" не получило адекватного, признанного экономической теорией определения. Доказательством может служить отсутствие его в таком фундаментальном издании как "Экономическая Энциклопедия. Политическая экономия" [11]. Отсутствие термина "хозяйство" в таком авторитетном издании следует рассматривать как неявное признание проблемы в объяснении хозяйства. К сожалению, процесс познания далеко не всегда идет по правилам формальной логики, ограниченные возможности человеческого интеллекта, заставляя его отступать от правил логики, но не являются причиной замораживания развития познания в целом. В экономической теории есть такие "черные ящики" и ситуация с понятием "хозяйство" не исключение. Например, деньги до сих пор выступает интеллектуальным придатком теоретических схем, и вообще имеют слабое аналитическое объяснение [10, с. 350-351], поэтому интеллектуальный поиск в направлении того: что есть хозяйство – актуален и на сегодняшний день.

Далее, удалось ли "положительно превзойти" воинствующий экономизм – экономический материализм. Можно сказать, что удалось, в том смысле, что он утратил статус важнейшей обобщающей доктрина, но не потому, что его удалось заменить другой, как предполагал С.Н. Булгаков. Просто множественность "образцово-образцованного мироощущения", а также практических и научных потребностей привело к разнообразию равноправных научных систем и подходов. (Многими современными теоретиками утрата статуса обобщающей доктрины воспринимается как кризис экономической теории).

Можно сказать, что большинство "нематериалистических" пожеланий Булгакова к философии хозяйства оказалось эволюционно реализовано разными течениями, направлениями и школами экономической науки. Так элементы субъективизма были включены в парадигму неоклассической доктрины теории субъективной полезности. Элементы психологии привнесены Дж.М. Кейнсом в теорию накопления, есть они и в теории адаптивных ожиданий, концепции рациональных ожиданий. Булгаковское положение о хозяйстве как свободе, где, по его мнению, проявляется творческая деятельность разумных существ: "... Если свобода есть творчество, то индивидуальность есть подлинное творческое в нас начало, которое неугасимо и неустранимо и в хозяйстве" [3, с. 322], – активно развивается в теории предпринимательской деятельности австрийской школы. Австрийцы исходят из того, что предпринимательская деятельность не мыслима без личной свободы, которая дает человеку возможность рационально распоряжаться своими способностями, знаниями, информацией и доходами, находить наилучшие средства для удовлетворения собственных и общественных нужд. Концепция предпринимательской деятельности развивается ими в рамках критики теории институционального принуждения [5, с. 151], точнее в противопоставлении свободного поведения экономических субъектов рыночного хозяйства и принуждения при социализме. Предпринимательство или предприимчивость представляет собой постоянную готовность искать, открывать, создавать или выявлять новые цели и средства для получения выгоды или прибыли. "Предпринимательство – это си-

ла, объединяющая общество и делающая возможным его гармоническое развитие, поскольку вносит координацию в рассогласованности, неизбежно порождаемые этим процессом развитие" [7, с. 39].

Кроме того, появились такие субэкономические дисциплины как менеджмент, теория организации и др., в которых элементы, культуры и даже веры, играют важные роли.

Принципиальным моментом всех выше указанных теорий является то, что реализация "нематериалистических" пожеланий Булгакова произошла в рамках науки, а не веры. Экономизм или экономическая теория, пополнившись "нематериалистическими" элементами, не соединилась с мистическим и религиозным мировоззрением.

Ощущение Булгакова по поводу того, что ломаются старые перегородки, разгораживающие разные области мысли, и меняются границы их территорий, воспринималась им, как предчувствие глобального единения научной, философской и религиозной мысли. Поэтому в "Философии хозяйства" (1912), С.Н. Булгаков решительно заявил о своем возврате к вере. "Философия хозяйства", формально представлявшая собой докторскую диссертацию по политической экономии, по сути, предстала как работа по теологии.

Но следует ли для решения концептуальных проблем современного мировоззрения еще раз идти в векторе "Булгаковской" парадигмы – соединять "экономизм" с идеей о человеке как трансцендентальном субъекте хозяйства или быть благодарным С.Н. Булгакову, что путь синтеза веры и науки он уже прошел?

В автобиографических заметках в Париже, в 1946 г. С.Н. Булгаков, в определенном смысле, подводя итоги своего творческого пути, написал: "... Чужой среди своих, свой среди чужих, а, в сущности, нигде не свой" [1, с. 31-32]. Из чего можно заключить, что не следует идти еще раз тем же путем, который сам С.Н. Булгаков не считал успешным: соединять науку и религию или перестраивать старые теории под новые проблемы. Что касается постановки задач по развитию экономической теории, которые связаны с решением проблем этики, социальной институционализации и отношению к предельно абстрактным математическим построениям, то в рамках современной экономической теории они сохраняют свою актуальность, с той лишь разницей, что сегодня они звучат не в гамлетовской постановке "быть или не быть", а для каких случаев и когда каждый из известных методологических приемов должен и может быть применим.

1. Булгакова С.Н. Автобиографические заметки. 2-е изд. Париж, 1991 г.
2. Булгаков С.Н. Задачи политической экономии // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Труды по социологии и теологии. Том 1. М., Наука, 1999.
3. Булгаков С.Н. Философия хозяйства – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008.
4. Жижек С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. – М.: Издательство "Европа", 2011.
5. Мизес Л.Ф. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – Челябинск: Социум, 2005.
6. Осипов Ю.М. Философия хозяйства. – М., 2001.
7. Сото Уэрта де Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. – Челябинск: Социум, 2009.
8. Цаголов Н.А. "Введение" // Проблемы развития политической экономии и совершенствование ее преподавания: Научно-метод. пособие для преподавателей политической экономии. – М.: Высшая школа, 1985.
9. Шапиро Н.А. Возрождение философии хозяйства. К юбилею журнала. // Философия хозяйства Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009, № 1(61).
10. Шапиро Н.А. Теория денежной экономики Дж. М. Кейнса. // Россия как цивилизация денег / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. Монография. – М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. Раздел 3. Деньги как феномен реальности.

Надійшла до редколегії 14.09.11